«Сов. Россия» 1977, 13 мая, № 20

НЕПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

театр

СЧАСТЬЯ не найдешь нигде, если его нет в тебе самом, — скажет в начале нового спектакля вахтанговцев «Ожидания» старый итальянский рыбак Чезаре (М. Дадыко).

А ближе к концу этого спектакля другой много повидавший на своем веку человек, тоже старый, однако вполне современного склада мышления, русский крестьянин Александр Ермолаевич Ермаков (его, как всегда, с блеском и поразительно достоверной характерностью играет Николай Гриценко) произнесет такую фразу:

— В жизни все может случиться — и чего хочешь, и чего не хочешь...

И в этих двух философичных, бесхитростно-мудрых сентенциях заключено, пожалуй, то зерно, из которого на протяжении спектакля прорастает сложная, можно сказать, исключительная по своим событийным и нравственным коллизиям ситуация, составляющая основу психологической драмы Алексея Арбузова «Ожидание».

...Через двадцать с лишним лет после войны приезжает из Италии в русское село, в дом Ермаковых, прекрасная, утонченная, превосходно сохранившаяся женщина, которую ее муж, коммерсант Паоло Монти называет певучим именем — Люсия. А здесь, в этом селе, в этом доме, ее звали когда-то Людмилой, просто Людкой. Здесь она родилась и выросла, здесь вышла замуж и родила сына. Отсюда проводила мужа на войну и сюда же получила на него первую в селе «похоронку». Отсюда война вырвала и ее — в страшный час фашистской оккупации гитлеровцы силой угнали Людмилу на чужбину. Были муки, страдания, неволя. Был концлагерь, где она встретила участника итальянского Сопротивления Паоло Монти. С ним, больным, нуждающимся в ее помощи, в ее любви, и уехала она после освобождения в Венецию...

И вот Люсия — Людмила снова на родине. Зачем она приехала спустя столько лет? Надолго ли? Вернется обратно с мужем, неизлечимо больным, приговоренным к смерти, о чем до последнего момента никто, кроме него самого, не знает, или останется в родном селе навсегда? Своя она здесь или чужая? Узнает ли о том, что ее сын, которого она считала убитым, жив, что это один из тех молодых людей, с которыми она сейчас встретилась? Как сложится в дальнейшем ее судьба, тесно переплетенная, несмотря на длительную разлуку, с судьбами Ермаковых, старших и младших? Что предстоит впереди каждому из них?..

На эти и многие другие вопросы, возникающие по ходу спектакля перед его героями и зрителями, не ответить однозначно. Драматург и театр и не стремятся к этому. Намечаемые к финалу развязки (а впрочем, развязки ли?) не более чем предположительны. Зато непреложна их нравственная суть, исходящая из того, что счастье человека в его земных руках, в бескомпромиссности его совести, в его способности и воле жить для других, думать о других, отдавать себя другим. Лишь тогда ничего не страшно, лишь тогда можно все преодолеть, лишь тогда приходит истинное счастье.

Разумеется, это только кроки, беглая схема драмы «Ожидания» и ее сценического воплощения в Театре имени Евг. Вахтангова. Главное же содержание арбузовской пьесы, насыщенной сложностью и разнообразием жизненных связей и человеческих взаимоотношений, тонкими психологическими нюансами, равно как и существенными, проблемными проявлениями и приметами современной жизни, — в живых, многомерных характерах. Соответственно центр внимания и притягательности спектакля, поставленного Евгением Симоновым, — в напряженной духовной жизни героев, в их видимых и невидимых внутренних борениях, нравственных исканиях и подчас противоречивых сердечных порывах, в их сомнениях, прозрениях, постижениях — непростых, нелегких, порой мучительных, но в большинстве своем достойных и примерных.

Люсия — Ю. БОРИСОВА, Паоло Монти—В. ЛАНОВОЙ.
Фото М. ЧЕРНОВА

Режиссеру важны и дороги любое душевное движение, любой оттенок поведения и внутреннего состояния героев. И он доверительно и несуетно, как и подобает серьезному театральному прочтению и раскрытию психологической драмы, дает каждому из них ничем не заглушаемую возможность выявить, утвердить себя, объяснить свои побуждения и действия. При всех свойственных режиссерскому почерку Евгения Симонова подчеркнутой театральности и эффектной экспрессии мизансцен, динамичности и темпераментности сценического повествования в этом спектакле словно разлита неспешная тишина глубоких человеческих раздумий. Нет, это не самокопание в душонках мелких и себялюбивых. Это насущная потребность натур незаурядных и сильных еще и еще раз прислушаться к голосу совести и либо укрепиться в своих выношенных, выстраданных убеждениях и намерениях, либо мужественно признать свою неправоту или вину и честно искать искупительный путь. Недаром Люсия, еще до приезда в Россию, приходит к пониманию того, что можно уйти от страха, от совести — никогда.

Евгений Симонов чутко уловил и воссоздал в своем спектакле ту незримую атмосферу, что пронизывает всю арбузовскую пьесу и отражена в ее названии. Атмосферу ожидания перемен в судьбах героев, каких-то их очень важных решений. И умиротворяющее спокойствие солнечного пейзажа венецианского приморья вначале, а затем милый сердцу светлый, зеленый окоем русской деревни (художник И. Сумбаташвили) лишь контрастно оттеняют и усиливают тревогу и беспокойство тех ожиданий, которыми живут герои спектакля.

Не только для самой Люсии чрезвычайно важен ее приезд на родину. Это событие для каждого из тех, с кем она встретилась, становится поводом пристально вглядеться в себя, подвести какие-то жизненные итоги, наметить перспективы. Почему так происходит? Да потому, что встреча эта отнюдь не элегическое свидание с прошлым. Она всколыхнула, обострила память войны — память сердца. А в ней — не одна лишь неизбывная боль утрат. В свете этой памяти отчетливее вырисовывается вся прожитая жизнь. И еще яснее заставляет эта память понимать, осознавать свой нынешний долг — нравственный, гражданский — идти по жизни достойно, человечно, честно, делая все, что в твоих силах, для общего блага.

В «Ожидании» нет так называемых отрицательных персонажей. Выведенные драматургом и театром люди — по большому счету люди хорошие, добрые. Сложную, многозвучную гамму их чувств, мыслей, переживаний мастерски передают вахтанговцы. Это — и Григорий Абрикосов, играющий директора районного универмага, бывшего фронтовика Николая Ермакова, человека ершистого, порой жесткого, крутого, в чем-то заблуждающегося, ошибающегося, а вместе с тем и сердечного, отзывчивого, способного не просто смягчиться, но — остановиться, оглянуться, чтобы затем перемениться к лучшему. Это — и Лариса Пашкова, так проникновенно и много сказавшая нам о своей Катерине, скупой на слова, но безмерно самоотверженной, стоической русской женщине из народа, солдатской вдове, колхознице, которая, по ее собственному выражению, все родной земле отдала — всю жизнь.

Ну и, конечно же, Юлия Борисова — Люсия. Любящая и страдающая, колеблющаяся и решительная, слабая, беззащитная и крепкая, волевая, счастливая и несчастная одновременно, она живет в вахтанговском спектакле с трепетной душевной обнаженностью. И как бы глубоко ни погружалась эта Люсия—Людмила в свои раскаяния, в свое горе, в трудности вставшего перед ней выбора, она, несмотря на выпавшие ей испытания, как и все борисовские героини, поистине лучезарно воплощает собой жажду жизни, силу жизни, активную готовность к любым преодолениям.

А рядом с Люсией Юлии Борисовой — Паоло Монти — Василий Лановой. В этом внутренне и внешне красивом, подтянутом, выдержанном человеке главное — память во[illegible] гордость и печаль воспоминаний, горечь несбывшихся мечтаний и надежд. Они всегда с ним, в сердце — так же, как и его единственная любовь, спасшая его, вдохнувшая в него тогда и по сей день поддерживающая в нем душевные силы. В каком-то очень серьезном, интересном и, пожалуй, новом для себя актерском качестве раскрывает В. Лановой благородство и честность своего Паоло, его чуткость и бережность по отношению к любимой, его непоказное мужество перед лицом близящейся роковой неизбежности.

Можно, наверное, упрекнуть драматурга в известной облегченности некоторых сюжетных ходов и мотиваций, в недостаточной прописанности образов молодых героев драмы. Можно посетовать и на то, что театр в иных эпизо[illegible] сам же нарушает строгую лаконичную манеру своего спектакля чисто внешней бойкостью, чрезмерной шумливостью, излишне педалирует иные ситуации. Но в целом Алексей Арбузов и возглавляемые Евгением Симоновым вахтанговцы создали еще одно проникнутое добрыми нравственными идеями произведение театрального искусства — о жизни, о любви, о встречах и расставаниях, о радостях и печалях, заботах и стремлениях современных людей. Произведение, утверждающее мысль об ответственности человека перед самим собой, обществом, временем.

Н. ЛЕЙКИН